

Юз
Алешковский

Книга
последних
слов

Юз Алешковский

Книга последних слов

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=19052396

ISBN 9785447490294

Аннотация

В «Книге последних слов» описываются тридцать пять преступлений. И каждому преступнику дается на суде Последнее слово. Как в индийском фильме, автор дает своим героям высказать все до конца, проставить все точки над *i*. И герои эти с детской непосредственностью описывают перед нами сцены из театра абсурда. Театра, которому больше семидесяти лет было имя Советский Союз...

Содержание

Книга последних слов	6
Случай в мужском туалете	6
Последнее слово подсудимого Гужанова	6
Двое в каюте	19
Последнее слово подсудимого Машкина	19
Взятки... Взятки... Взятки...	36
Последнее слово подсудимого Решетова	36
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Книга последних слов

Юз Алешковский

© Юз Алешковский, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero
– Спасибо тебе сердечное, доктор, что не побоялся ты аборт сделать мне девятнадцать лет назад. Спасибо... – И в пояс кланяется женщина... Это из «последнего слова» подсудимого главного врача Конкина. Женщина благодарила врача за то, что не родила она, как ее односельчанки, сына девятнадцать лет назад. Потому что забрали у них из села девятнадцатилетних парнишек на войну в Афганистан, а там они были убиты и зверски изуродованы. «Книга последних слов» – страшная книга. Страшная обыденностью, обыкновенностью историй, в ней описанных. Обыкновенных для страны, которая называла себя самой мирной, самой доброй. В этой стране нормой было подглядывание друг за другом, подслушивание и доносительство. Провокаторы, убийцы – идейные коммунисты. В этой стране преступление – ремонтировать обувь, использовать передовые технологии для выращивания скота. В этой стране, чтобы люди из нее не разбежались, держат специальных собак, которые, если что – загрызут насмерть. И собак этих кормят лучше, чем людей. В «Книге последних слов» описываются тридцать пять пре-

ступлений. И каждому преступнику дается на суде Последнее слово. Как в индийском фильме, автор дает своим героям высказать все до конца, проставить все точки над і. И герои эти с детской непосредственностью описывают перед нами сцены из театра абсурда. Театра, которому больше семидесяти лет было имя Советский Союз...

Александръ Дунаенко

Книга последних слов

«Я переживал момент полного наслаждения, которое могут понять только те, кто умеет зайти дальше ненависти – туда, где властвует смех».

Ромен Гари.

*Сэру Дэниэлу
с глубочайшим почтением
и душевной любовью. Приношу сердечно-
уголовную благодарность
за идею сочинения сей книги
Илье Левину-Питерскому.*

Случай в мужском туалете

Гужанов при отягчающих вину обстоятельствах зверски избил в туалете библиотеки имени Ленина гражданина Канады Нормана Фурмана, доходя при этом до актов садизма и унижения достоинства личности пострадавшего.

Последнее слово подсудимого Гужанова

Граждане судьи, от защитника я решительно отказался

потому, что если человек дошел до того, что уже и сам себя защитить не может, то знаете кто он?... Предмет внимания канализации, образно говоря. Вот кто...

Я же (перелистайте характеристики) с детства честен. Слесарь-лекальщик высшего пилотажа. Передо мной академики на коленки становятся с просьбой проявить вдохновение и тонкость чутья. Детей имею по фигурному катанию. Вот уже десять лет охраняю общественный порядок и окружающую среду, причем бесплатно. Являюсь председателем клуба книголюбов при ЖЭКе №17. Орденами обладаю трудовыми и медалями. В Канаде был с профсоюзной делегацией и ничего оскорбительного там не совершил по отношению к обычаям и культуре страны, хотя листал развратные журналы, чтобы иметь представление о порнографии... О премиях я уж не говорю, а с доски почета, извините за выражение, не слезаю.

Вот моя защита от имени социального и гражданского лица подсудимого Гужанова, то есть меня лично. Тут вы ни к чему не подкопаетесь.

Заметим для начала, что активно верующим в Бога не являюсь. В церковь не хожу. Не приучен. Дед и бабка, может, если бы довоспитали меня до конца, то и ходил бы и веровал. Но они были арестованы при защите Храма Христа Спасителя от варварства. В ссылке и погибли.

Это, в ваших глазах, – минус в линии защиты, но я не из тех адвокатов, которые темнят за наличные.

Подсудимый Гужанов жену не бьет, но строго обличает в случае чего. Он не алкаш-пропойца. Хотя Гужанов имеет один привод в милицию двадцать лет тому назад...

Соседи подсудимого гуляли наверху после одиннадцати до трех утра, а ему в шесть вставать на работу. После пятого предупредительного стука в потолок подсудимый Гужанов поднялся в чем был на этаж выше. Позвонил. Не открывают. Издеваются. Он вышиб плечом дверь и увидел там то, что впоследствии обнаружил в канадской порнографии, да еще с рокэндролом. Шестеро человек щенков и напомаженных поганок.

Подсудимый Гужанов уложил всех на пол, вынул из брюк ихних ремни и высек по голым... выскочило из головы – как это по-интеллигентному называется.

Тут, само собой, подоспела слишком поздно вызванная милиция.

Гужанова и отвезли вместе с бардачниками в отделение. Но привод считался не за то, что я их по-отцовски высек, а за то, что в кальсонах предстал перед советской властью в лице дежурного лейтенанта.

Приплюсуем это к предыдущему минусу. В остальном я чист. Стройматериалов и техдеталей с завода не тырил ни разу.

Политикой правительства в области расточения средств на Кубу, Вьетнам и Эфиопию в метро, как некоторые, не возмущался. Гонку советского вооружения, покорение Вен-

грии, Чехословакии и Польши с Афганистаном не осуждал, хотя зачем солдат на смерть и военные преступления посылать, если можно автоматизировать как-нибудь процесс присоединения к социализму остальных государств? Мы – лекальщики, и не до такой рационализации додумываемся.

Насчет покупки пшеницы у США я тоже красноречиво молчу. Чего тут говорить? Тут все и так ясно, как в анекдоте про листовки.

Однажды, каюсь, хотел было выступить в клубе книголюбов после речи одного идиота Феликса Кузнецова из Союза писателей, с бородкой и на продажного адвокатишку смахивает. Уж очень лживо и непристойно гимны он пел Брежневу за его сочинения в том смысле, что они выше на голову «Преступления и наказания», но вровень идут с «Войной и миром». Хотел я ему вмазать как честный книголюб, но воздержался. Теперь об этом жалею.

Зачем товарищу Брежневу бумагу изводить, когда ее лучше на Чехова употребить, на Шекспира бросить, на худой конец извести на Юлиана Семенова, чем на то, что мы десятилетиями в газетах кушаем? Можете в минус вносить и это мое признание, и, уж если на то дело пошло, считаю я так: с Сахаровым мы погорячились. Надо было его не в Горький сослать, раз встал он вам поперек горла, а в Сочи, на отдельную дачу с хорошим питанием и с врачами. Он же в конце концов озабочен тем, как бы нам не взлететь сейчас, в данный момент судебного заседания, на воздух, к чертям соба-

чьим.

Вступление кончаю. Перехожу к делу. Вон перед вами сидит пострадавший Фурман, то есть Норман с видом Орлеанской девственницы во всей фигуре. И не стечет с его плюгавеньких, холодных глаз горячая слеза раскаяния. И представители посольства тут же. Как будто я врезал пару раз по рылу в лицо пострадавшего Нормана, то есть Фурмана, по физиономии дружественной державы. Держава здесь ни при чем, хотя рукоприкладничать к мордасам не следует, даже если перед тобой советский человек, а не плохой гражданин Канады.

Говорю прямо: линию своей защиты строю на том, что подсудимый Гужанов пребывал в форменном эффекте, если не ошибаюсь, или в аффекте – это не важно. Попросту говоря – в приступе благородного гнева и культурного возмущения.

Однако не будем забегать вперед. Вспомните, граждане судьи, что я находился в субботний день в библиотеке, носящей имя того, чье имя я не собираюсь марать в ходе судебного заседания. Там я внушительно готовился к докладу в клубе книголюбов по разверстке райкома партии. Доклад, естественно, был на тему «Царская цензура – палач книгопечатания русской литературы».

Доклад двигался плохо, потому что не удавалось мне отыскать следы преступной царской цензуры в нужном райкому количестве... Сходил в буфет. Пива от уныния выпил

три бутылки.

Как защитник Гужанова прошу учесть это смягчающее вину обстоятельство. Так как если бы не пиво, то и не зашел бы он в туалет, где само собой не было бы нашего преступления.

Но до туалета еще я обратился к консультанту с вопросом:

– Цензура была, пожалуйста, в царской России?

– Была. Это общеизвестно.

– Следовательно, вынуждены были писатели, как у нас, прибегать к самиздату?

– Кое-что ходило в списках еще до династии Романовых. Это было нормально для культуры того времени. А при царе, как говорится, цензура иногда запрещала антиправительственные выпады и всегда – богохульство и сквернословие.

– Прошу подсказать, какие именно книги Пушкина, Тургенева, Достоевского, Шекспира, Дюма и Чехова сгноила цензура царя, как, например, мы сгноили Солженицына?

– Кое-что, товарищ, было запрещено печатать русским литераторам, но сочинения их никогда не реквизировались. В полных собраниях вы можете найти все вас интересующее. Даже филиппики Толстого против церкви.

– Ну, а книг при царе много выходило в продажу?

– Не меньше, если не больше, чем в Европе.

– Вот интересно. Выходит – не давили книгопечатания? Черного рынка не было, где всю получку надо оставить за сказки братьев Гримм?

– Странные вопросы вы задаете, товарищ.

Тут Гужанов ответил, что задашь их поневоле, когда райком доклад требует. Факты-то ведь есть и у Пушкина и у Лермонтова. Выслали же их, опять же, как Солженицына и Юлиана Семенова в Бонн корреспондентом; но это все школьники знают, а мне без новых фактов нельзя, добавил Гужанов, так как райком дал указания не допускать, чтобы в докладе сквозила вражеская диалектика.

Консультант намекнул, что от меня пахнет пивом и что я образовал очередь за вопросами.

Вот тут подсудимый Гужанов, будучи человеком с пониманием культуры, направился, повторяю, от пива и общего недоумения относительно зверств царской цензуры, в сортир, то есть в туалет. А самого по дороге мысль тяготит логичная: ведь если бы цари душили книгопечатание, то Ивана Федорова давно повесили бы уже за одно место. А он теперь рядом с самой Лубянской возвышается. Где же логика?

Захожу в туалет, то есть в сортир. Смотрите лист дела №36. Явственно слышу подозрительные звуки разрываемой бумаги, что, в общем, в таких местах не новость. Не нормально было то, что оказавшийся впоследствии Норманом, то есть Фурманом очень уж часто спускал воду. Нервно так спускал. Шкодливо, я бы сказал, спускал воду, словно концы в нее прятал.

Граждане судьи, подсудимый Гужанов ясно понял, что кто-то рвет на части печатную продукцию и отправляет ее

в канализацию города Москвы.

Тут, говорю в порядке последнего слова, и обуяла меня первоначальная ярость аффекта (эффект – это другое совсем дело), но я еще что-то соображал.

Вхожу быстро в роль следователя, чему научился будучи дружинником и председателем совета жильцов подъезда.

Бешено стучу в дверь и предлагаю немедленно открыть ее. Правильно?

Открывает после паузы этот Фармен, то есть Нармен. Позеленел от страха. Вот-вот в штаны наложит. Глазенки бегают. Челюсть трясется. Классическая картина – мелкая вша и подлец, застуканный с поличным.

Предъявляю красную книжечку дружинника... Одним глазом вижу, что толчок полон обрывков неизвестного печатного текста. Наклоняюсь и в порядке следствия вычитываю первые попавшиеся слова:

«Дни человека – как трава; как цвет полевой он цветет. Пройдет над ним ветер, и нет его, и место его уже не узнает его. Милость же Господня от века и до века».

Я сразу учиняю допрос:

– Ты что же, сволочь, рвешь здесь в священных для книголюба стенах? Что ты в канализацию спускаешь?

– Я, товарищ, поступаю согласно законам вашего государства, – отвечает эта гнида. Затем подает мне из-за спины не до конца уничтоженную книгу. На обложке – крест.

Священное Писание. То, что после гибели деда с бабушкой сгнуло с глаз моих, к сожалению, навек.

– Что значит «сообразно с нашими законами»? – спрашиваю. – Мы – не Гитлер. Мы книг не жгем, но то, что вредно – на макулатуру гоним, а из нее уже полезное выпечатываем. Ты что? Иностранец?

– Да. Я как руководитель группы студентов-канадцев обязан следить, чтобы никто не провез в СССР, на родину социализма, запрещенную литературу. При обнаружении, для избежания инцидента, я ее уничтожаю. Понимаю, что можно вывести при этом из строя канализацию. Вы уж извините, товарищ. Если бы я тут Карла Маркса рвал...

В голове у меня от его слов возник горячий тромб непонимания и спазм возмущения. Смотри лист дела №48.

– Ты что же рвешь, подонок? – говорю. – Ты Книгу Книг рвешь, которая впервой была напечатана на Земле. Ты какие слова в толчок выкинул?

Тут я опять пригнулся к унитазу и цитирую другой отрывок:

«И сказал Иосиф братьям своим: – Подойдите ко мне. – Они подошли. Он сказал: – Я Иосиф, брат ваш, которого вы продали в Египет».

– Ты понимаешь, – говорю, – сволочь, что ты – варвар, мразь и Гиммлер?

Кровь уже нестерпимо ударяла мне в голову, так как вспомнил я любимую сказку свою и историю, читанную мне

в детстве дедом.

– Библия на черном рынке 100 рублей стоит, но ее не достать, хотя люди жаждут из нее слов мудрости и пророчеств.

– Странные вещи говорит официальное лицо. Я же, повторяю, не историю партии рву, – наглеет Форман, то есть Норман.

В руках у меня полууничтоженная Книга Книг. В толчке, то есть в унитазе – бесценная красота, никогда не читанная мною в жизни, потому что мы есть – государство-атеист.

Бумага Библии тонюсенькая, нежная, чтобы книгу с собой носить можно было в метро, в автобусе, где человек утром человеку – волк, а вечером – шакал, и так далее.

И стоит передо мной канадец, руководитель, интеллигент, судя по трясущейся челюсти. Русский язык у него приличный, с мордовским акцентом.

Вот тут я его в память о бабке и деде, тут я его в память о детских своих сказках и раздумиях о сотворении мира, тут я его в память о взорванном Храме Христа Спасителя и за весь наш заодно клуб книголюбов – хрясть этой Библией по харе, хрясть еще раз, и говорю:

– На колени, падаль! Ниц, вандал. Не то – на месте пулю в лоб всажу. Вот где, оказывается, царская цензура ошивается для моего доклада. Из Канады она пожаловала! Падай, сука.

Падает нехотя Форман, то есть Норман, на колени перед содеянным.

– Жри, – говорю, – гадина фашистская, жри...

Граждане судьи, вина подсудимого и моего подзащитного Гужанова отягчается, конечно, тем, что он предварительно запер двери сортира, чем вызвал долгий ропот читателей. Прокурор тут доказывал, что в состоянии аффекта преступники обычно забывают закрывать дверь, и им наплевать – наблюдают за ними или не обращают внимания.

А я, как защитник собственный, имею контратаку. Подсудимый Гужанов, даже будучи в аффекте, не забыл о том, что он – советский человек и обязан предотвратить публичный скандал с участием Канады. Зачем Министерству иностранных дел сюда вмешивать и послать? Лишнее это. Вот он и закрыл дверь ручкой половой швабры...

Не могу не признаться, что уже в порядке окончательного аффекта затолкал я голову пострадавшего в толчок, заставив его разжевать и проглотить обрывок со словами:

«Смерть, где твое жало? Где твоя победа?...»

Сколько всего он съел намокшей бумаги, я уследить и подсчитать не мог, но ясно было, что от перепуга человек старается, жует и заглатывает. Мы – СССР – сумели все-таки внушить разным государствам страх и почтение.

Я и не скрывал на предварительном следствии, что стукнул при этом нашего дорогого гостя и, как написано в протоколе, большого друга СССР пару раз лбом о край толчка, но исключительно ради пущего вразумления. Не согласен, что это – садизм. Садизм был бы в деле, если бы Гужанов

заставлял пострадавшего только лишь есть бумагу, но запивать бы не давал. Он с этой целью и тыкал Нормана, то есть Фурмана, носом в воду, чтобы запивал, а не с целью особого цинизма, как старается доказать прокурор, низкопоклонничающий перед какой-то... одним словом – Канадой.

И никакого умысла злейшего поместить Бормана, то есть Мормана, в клинику с заворотом кишок я не имел. Отвергаю поэтому энергично часть вторую моей статьи.

Иск же за лечение на 568 рубчиков тоже отвергаю с особым негодованием. У нас бесплатное еще, слава Богу, мед обслуживание. Мы даже убийц в тюрьмах бесплатно лечим, а варвара из Канады, выходит, за мой счет вы очищали от съеденной Библии?... Так не пойдет дело. Так мы с вами далеко не уедем, граждане судьи. Деньги надо содрать валютой с пострадавшего вандала и купить на них пару лишних тонн пшеницы у Канады.

Я на основании всего сказанного предлагаю оправдать подсудимого Гужанова. Если вы меня осудите, значит, оправданным будет фашизм, сжигавший книги, и царская цензура, хотя она не спустила в канализацию даже антицарский стишок «На смерть поэта» диссидента Лермонтова.

Считаю необходимым сообщить по месту работы Нормана Формана о происшедшем с удержанием зарплаты и запрещением руководить студентами. Кого он из них воспитает? Красные бригады из Канады?

Убедительно прошу выслать из страны, родившей ми-

ру Ивана Федорова, в 24 часа плохого гражданина Канады Фирмена Нирмена и выдать ему волчий читательский билет во все библиотеки прогрессивного человечества.

Местонахождения остатков Библии указать не могу по ряду уважительных причин как председатель клуба книголюбов.

Заканчиваю линию своей защиты следующими замечательными словами, спрятанными мною во время ареста в профбилет:

С раннего утра буду истреблять всех нечестивцев земли, дабы искоренить из града Господня всех, делающих беззаконие.

Двое в каюте

Во время рейса теплохода «Аджария» (порт приписки Батуми) в открытых водах Средиземного моря между пассажирами Машкиным и Тихоновым произошла ссора. В каюту, в которой ехали Машкин и Власов, зашел Тихонов и попросил Машкина разрешить ему подождать Власова. Между Машкиным и Тихоновым завязалась беседа, они выпили по кружке пива. Через полтора часа Машкин сказал, что ему нужно идти, и попросил Тихонова выйти. Однако Тихонов, будучи в нетрезвом состоянии, заявил, что никуда не пойдет, стал ругаться и наносить Машкину удары палкой по руке и голове. В ответ на это Машкин стал избивать Тихонова, сбил его с ног, нанес множество сильных ударов по голове, животу и другим частям тела. От повреждения кишечника и кровоизлияния в вещество головного мозга Тихонов скончался.

По прибытии в Ригу Машкин был передан органам следствия.

Последнее слово подсудимого Машкина

Граждане судьи! Сегодня мы с вами присутствуем на судебном процессе небывалого политического звучания и окраски. Да, в результате побоев, нанесенных мною бив-

шему гражданину Тихонову, он непредвиденно скончался, чем способствовал тому, что я вынужден находиться в данный момент моей безупречной на протяжении последних пятидесяти лет жизни на засиженной подлецами и мерзавцами, ворьем и взяточниками, изнасилщиками и злоупотребителями, хулиганами и религиозными мракобесами-сектантами, заодно с идеологическими диверсантами-диссидентами, скамье подсудимых.

Да, Тихонова больше среди нас нет. Но я лично об этом нисколько не сожалею, потому что его и не должно было быть среди нас. Почему именно, я повторю позже, о чем не раз впрямую заявлял на предварительном следствии по моему исключительному делу.

И моя линия на этом процессе, который должен привлечь внимание через газеты, радио и телевидение всех истинных патриотов советской власти, состоит в принципиальном курсе на полное оправдание.

Кроме того, не я обязан оправдываться здесь, а вы сами обязаны меня оправдать с занесением в личное дело благодарности Родины, партии и правительства.

Перехожу к проблеме личности подсудимого, то есть к себе лично. С восьми лет в пионерах. С четырнадцати – в комсомоле. В партию принят сразу после расстрела вот этой рукой пяти латышских националистов в Баугавлисе.

В самом конце войны был призван на фронт. Служил

до сорок шестого года в частях особого назначения МВД. Вылавливал в лесах Латвийской ССР фашистских прихлебателей и наемников, а также врагов колхозного строительства, не говоря о прочей националистической нечисти.

Заслуг имею немало, что должно быть вам известно из характеристики, выданной соответственными органами.

Ни разу не дрогнула моя рука, ликвидируя так называемых «зеленых братьев» и их укрывателей.

Можно смело сказать, что, благодаря таким, как я, в Латвии вторично была внедрена советская власть.

Из войск МВД был, правда, отчислен после клеветы. Дескать, я злоупотреблял оружием и ликвидировал целый ряд якобы невинных граждан.

В 1947 году меня не то что за эту клевету не судили, но и присвоили воинское звание старшины с последующей демобилизацией. Имею ряд правительственных наград за успешное проведение операций по ликвидации латышских националистов и за политическую работу с населением освобожденных районов. В деле приложен ихний список.

После армии четыре года работал по рекомендации политотдела особой дивизии в органах милиции города-героя Риги, где проявил себя с самой наилучшей стороны, наводя порядок среди несознательных латышей, привыкших за годы фашистской оккупации к тунеядству и частному предпринимательству. Навели, будьте уверены, граждане судьи, вместе с вами, так сказать, бок о бок, чтобы Латвия наша стала сво-

бодной и счастливой в дружной семье народов.

Не раз, бывало, помогал следователям раскалывать отщепенцев всех мастей, и смело могу сказать, что на врага общества глаз мой наметан как у Дерсу Узала из одноименного фильма – насквозь вижу. Жилы вытяну, но правды добьюсь. У врага от одного только моего имени волосы дыбом вставали.

Затем, после марта 1953 года, сами понимаете, что произошло, и разгулявшаяся мразь, которая открыто перешла сейчас в антисоветский лагерь, добилась все-таки моего увольнения из органов милиции за нарушение соцзаконности. Борцы за права человека!

После милиции по рекомендации управлений КГБ и МВД был назначен зам. нач. отдела кадров филиала союзного Института Маркса и Ленина, где и работал до момента моего ареста, вернее, до поездки на теплоходе «Аджария» в туристический круиз по капстранам средиземноморского бассейна.

Я являлся в такой ответственной поездке простым туристом без функции спецнаблюдения за членами группы, что бывало и раньше в путешествии по Болгарии и Франции в составе делегаций ветеранов Отечественной войны.

Перехожу теперь к прямым обстоятельствам дела.

В делегации, честно говоря, сразу видно наметанному глазу – кто есть кто. То есть за чем человек поехал в круиз, оставив своих близких в недоумении относительно своего

возвращения на Родину: шумток набрать несчастных с целью фарцовки; взглянуть на различные парфеноны, колизеи, крематории, в общем, выпить разок и закусить, что тоже в наше время случается; оценить преимущества нашего строя перед гнилой демократией или потратить денежку, наворованную у советского государства. Думаете, мало таких, с позволения, туристов? Навалом! Взятка куда надо – и, пожалуйста, характеристика тебе на блюдечке, путевка, каюта. Кати на здоровье, пяль свои zenки на резкие социальные контрасты и мечтай в глубине души о реставрации на родине всей этой мерзости: продажного бабья, шопов, заваленных джинсами, обжорства, свободы шляться где хочешь и прочих «прелестей» гнилого Запада, не говоря уж о сексуальной революции, пропади она пропадом...

Смотрю, бывало, на какого-нибудь умника из интеллигентов, который слюнями обливается да восклицает: «Ах, родина Баха... Ах, родина Данта... Ах, родина Шопена...» – или Ван Гога хренова, извините за выражение, вместе с Шекспиром да Леонардом да Винчи...

Взял бы, думаю, сейчас тебя, падла, за грудки, потряс бы как следует и спросил бы:

– А у нас, что ли, нету родины гроссмейстера Карпова, Харламова, Вадима Кожевникова, мать твою так, Аркадия Райкина с евонными рожами в адрес недостатков? Нету разве у нас не то что Баха несчастного, а своего Соловьева-Седого с Михалковым и семнадцатую мгновениями весны, зи-

мы, лета и осени? Нету, гад? Что тебе с того, что какой-то Вивальди на этой вот пыльной итальянской плешке симфонию наулюлюкал? А вон в том домишке полуразваленном хмырь средневековый религиозную пропаганду разводил?... Ты ведь в Москву не поехал в мавзолей сходить всей семьей, в мраморный? Тебе плевать, что там в Москве на зоопарке доска висит: «Здесь выступал Владимир Ильич Ленин в таком-то году»?

Тебе заграничный подавай зоопарк, где, видишь ли, на свободе почти разгуливают крупные звери. Вот они и догулялись, что там у них судей убивают, министров, полицию и так далее, а у нас за убийство даже паршивого дружинника полагается высший расстрел...

Я не случайно все это говорю, граждане судьи, а лишь для того, чтобы представили вы, решая тут мою небесполезную судьбу, атмосферу, в которую попадает настоящий советский патриот, наблюдая за поведением шоблы туристов или даже научной делегации.

Ну, ахи-бахи и ван гоги – это еще куда ни шло.

Теперь перейдем к потерпевшему Тихонову, которого я и сейчас за человека не считаю. Еще в открытых водах Средиземного моря въелось в меня похабное выражение лица Тихонова. Влезаю, естественно, в доверие к нему через распитие по стаканчику «столицы», захваченной из дому, чтобы не низкопоклонствовать перед вонючими коньяками и кьяньями, на которые, кстати, никакой валюты не хватит,

если пожелаешь от тоски по родине надраться, что бывает все же в кризисе.

Постепенно обнажается передо мною нутро Тихонова. Техник-чертежник. 29 лет. Не женат, что подозрительно. Может, прикидываю по ходу дела, половой бандит? По публичному дому с детства мечтает, романтик проклятый, мопассанов начитался всяких?...

Думаете, не встречал я таких червяков в заграничных поездках? Встречал. Этот только и ждет, когда руководитель бдительность потеряет, и в первый попавшийся бордель намыливается. Валюту всю спустит, которой нашей партии на народно-освободительные движения и так не хватает, и возвращается, сволочь, в отель, облизывается, как будто ему этого добра в родной Риге не хватает; высылать в Сибирь не успевают органы.

Но развратник все же еще не враг. Он просто от жадности запутался в желаниях урвать от жизни все то, что плохо лежит.

Тихонов же – совсем другое дело. У этого тоска какая-то в глазах и во всем существе, что мне, между прочим, хорошо знакомо. Насмотрелся, по капстранам поездивши. Надоела, понимаю, человеку советская власть хуже горькой редьки, потому что дальше своего пуза он уже много лет не заглядывал и строительством коммунизма не интересовался, как и все мы в этом зале судебного заседания, верней, в отличие от нас.

Поддали еще немного. Вполголоса клевету навожу на порядки у нас в стране, разумеется, не от души, а с целью служебной, оперативной провокации. Что, дескать, и мяса маловато, бесхозяйственность; пшеницу покупаем черт знает где, промтовары то и дело пропадают; днем с огнем, бывает, туалетной бумаги и детской шубенки не сыщешь; портвейн грузины проклятые разбавленный продают, богатеют; бормотухой целый цех в почтовом ящике отравился с получки; ракету, говорят, вовремя с конвейера не опустили, которая для Общего рынка в случае чего предназначена, и так далее.

На пушку беру, короче говоря, пострадавшего. Чую: клюет. Не заглатывает, но клюет.

Да, говорю, плевать мне на все эти джинсы и кофточки; пушу всю валюту на «Архипелаг», Библию и прочую антисоветчину, перечислять ее здесь неохота, граждане судьи.

Это, говорю, хоть для души будет в нашем полицейском государстве, где не продохнуть опять после культа личности; лучших писателей выслали и поубивали к чертовой бабушке; партийное начальство зажралось, при коммунизме уже живет, не то что мы; машины у них со слугами, дачи, продукты первой необходимости от пузяки, медицина с лекарствами из Германии, – я чуть не загнулся в сердечном приступе, валидолу ни в одной аптеке не было, в Москву теща за ним летала; правильно все по «Свободе» говорят и по «Голосу».

Все, в общем, как на экзамене в спецшколе, заметьте, оттараторил. Ну и расколосся, в конце концов, товарищ Тихо-

НОВ.

Сначала так по разговору о недостатках разных, потом закосел однажды в открытых водах Средиземного моря и во всю Ивановскую, как говорится, разошелся.

На следствии я слово в слово повторил наговоренное Тихоновым, можете перечитать. Уши вянут, когда вспоминаю. Враг, явный враг, а может быть, и шпион. Смерть помешала нам установить это дело со всею точностью... А про великого Ленина чего наплел?

Не могу! Даже сейчас руки в кулаки сжимаются и зубы скрежещут от всенародного возмущения! Сволочь! Сами понимаете, что если у туриста нету в груди ничего святого ни на грош, то что же он о руководстве нашей партии заявляет и насчет внешней политики? В конце концов до того докалялся, что обвинил наш СССР в преступном наращивании военной мощи для мирового господства и ядерной катастрофы, потому что, дескать, чуют политические банкроты там, наверху, провал своего вонючего учения, экономики, планов и протухших лозунгов... Так прямо и высказался «вонючего учения и протухших лозунгов».

Хорошо, думаю, вражина, проклянешь ты тот день, когда я «столицей» с тобой поделился, от души, можно сказать, оторвал свое лекарство от тоски по родине.

Ничего, успокаиваю его, вот скоро приедем в Неаполь, или в Марсель, книжек купим, сами дома читаем, приятелям дадим – не все же водку жрать, надо и правду знать,

чтобы жить не по лжи. Верно?

И вот, граждане судьи, начинает мне казаться, что не провозом нелегальной литературы начинает попахивать в нашей каюте, а кое-чем почище.

Тот, который книжечек накупает, так себя не ведет. Нет. Он, наоборот, наблюдение от себя отводит всяким хитрым макаром, а на самом деле только и делает вид, что валюту свою на пустяки тратит. Выжидает момента, чтобы броситься, как рысь, на всяких солженицыных, пастернаков, авторхановых и прочую антимахровосоветчину.

Этот тип, может, и не станет провозить всякую свою пакость через нашу таможду. Он по ночам ее читать станет, в сортирах по два часа сидеть с какой-нибудь женой врага народа Ахматовой в руках или с «Лолитой» в городе Рима!

Нет. Мой Тихонов, вижу, поглубже настроен. Что ему «Красный террор» или «Скотский хутор» какой-нибудь?... Держись, Машкин Иван Иванович, не зевай, отплачивай партии и органам за безграничное доверие.

Тем временем Марсель у нас на носу с его прославленной проституцией и агентами НТС, которые только и ждут, сволочи, чтобы вручить зазевавшейся вороне свою брошюру, журналчик, Сахаровых, Максимовых и прочих отщепенцев.

На доньшке бутылки моей грамм сто всего остается. Тихонов, надо отдать ему должное, за своей сбегал, еще поддали, и он говорит мне следующее:

«Хороший ты, Иван, душевный человек, во всем тебе до-

веряюсь и прошу помощи личного характера. Душу мою ты узнал за эти дни, а также настроение и мировоззрение. Там больше жить не могу. Подперло под горло. Рак души у меня от советской власти и от того, что делает она не только с нами, русскими людьми, но и с прочими младшими братьями. Дышать не могу и сделать ничего нельзя, два приятеля в психушку посажены ни за что ни про что. Или на свободу попаду, или смерть, а тебя прошу как душевного человека – позвони, если удастся мне свалить, по двум телефонам и скажи им мои слова прощания и прощения. Не могу больше. Имеет человек право на свободу, имеет!»

Так, думаю, граждане судьи, свободы тебе, гадина антисоветская, невтерпеж захотелось! Ну, ты получишь у меня такую свободу, что век ее не забудешь!

Однако маску дружелюбную не скидываю: рано еще, надо затравить свободолюбца плотнее, а тогда уже – за горло, как говорится, можно взять мертвой хваткой и открыться зло-радно. Для матерого врага это тоже пытка, что не его взяла, а наша. Вот как дело происходило в открытых водах Средиземного моря.

Я веду линию на полное свое оправдание и на послежизненное осуждение пострадавшего Тихонова как злейшего предателя всех наших интересов.

Ну, смотрю в иллюминатор – Марсель проститутский на горизонте высобачивается. Дернули еще с Тихоновым по полстакана. Я для пущего блезиру сельское наше хозяй-

ство лягнул с жилищным строительством заодно и хоккеистов-сволочей – олимпийские игры, гады, проиграли в Америке.

Совсем близко Марсель. Решаю оперативную задачу, и тут, по-моему, даю небольшую промашку. Давай, говорю, телефоны своих друзей, берег скоро.

Написал он их и велел притырить получше от шмона на таможне в Риге. А теперь, говорю, давай двигаться, Тихонов.

А у него – глаза на лоб. Голос меня выдал. Так, бывало, в кабинете или в камере говоришь тихо и вкрадчиво: «Ну, пошли», – и от этого одного у тварей всяких, «зеленых братьев» и так далее ножки в коленках подгибались.

– Куда, – говорит, – пошли?

– Как, – говорю, – куда? К капитану, к замполиту. Приехал ты, Тихонов, откровенно говоря. Приехал!

Все враз, конечно, понял прохиндей, инакомыслящая шкура. Бледным стал, и во всем дальнейшем, как и в предыдущем, виноват исключительно один он.

Берет палку нарезную, сувенир мой для майора Глухова из ОБХСС. «Помни Неаполь» на ней написано, и этой самой палкой – промеж рог меня и еще раз, и еще, а потом по руке. Что Тихонов в своей ярости говорил тогда, пересказывать не хочу. Вам тут и так видна физиономия врага, зараза которого кишит сейчас в Риге, так что недаром ее в анекдоте еврейском называть стали Кишиневом.

Ну и понес я его, признаюсь, понес по кочкам вот этими руками, и палка никакая была мне не нужна. Взъярился, разумеется, как и положено в нашей работе. Не без этого. «Следствие в перчатках ведут, товарищи, только знатоки», – говаривал нам частенько нач. управления МВД.

Молочу гада, себя не помню, увлекся слегка. Вот тебе, тварь, за все получай: за свободу буржуазную, за клевету в адрес партии и правительства, за презрение к прогрессивной нашей политике внешней, за ненависть к сельскому хозяйству, к свободе слова, к писателям Вадиму Кожевникову, Машке Прилежаевой, которую ты, падло, ненавидишь только за то, что она про вечно живого Ильича пишет, и к Юлиану Семенову, воспевшему во весь голос наши органы, – получай.

Молочу, значит (скрывать этого не намерен, потому что считаю такие действия заслугой, а не преступлением против личности, как сказано в обвинении), молочу, а он, думаете, раскаивается, что с врагом иногда случается? Нет. «Фашист, – хрипит, – фашист... фашист... фашист...»

Ах, это я фашист?! Я, который после Дня Победы на волоске от смерти находился в кровавой борьбе с «зелеными братьями»? Я, который к высшей мере приводил разное отребье, не считаясь ни с нервишками, ни с временем семейной жизни? Я – фашист?!

Не удержался: ногой врезал под дых и так далее. Я ж не мог вот так сразу успокоиться, когда он упал и прекратил

оскорбления в мой адрес, затих, короче говоря? Не мог. Молотил еще некоторое время, хотя прямой установки на убийство, от души говорю, у меня тогда не было.

Тут – Марсель. Если б не сувениры для дружков по работе, то плевать бы я хотел на этот город разврата...

Каюту запер. Тихонов, говорю начальству, верней руководству группы и сексоту Чирикову, паршиво себя чувствует, на берег сойти не может.

Я, безусловно, признаю свою вину за попытку провести тайком в город Ригу предметы порнографии сексуальной революции, как-то: два половых вибратора, мужской и женский, с напряжением 120/220 вольт.

Но если разобраться как следует, то и здесь есть для меня уважительная причина, а именно: желание помочь друзьям по работе, отдавшим здоровье свое и нервы органам, пожертвовавшим ради дела, ради борьбы со всем тем, что мешает нам двигаться вперед, самым иногда необходимым для семейной жизни. Ведь товарищ Ленин не раз заявлял: надо уметь мечтать, дорогие товарищи!

Похабные открытки и два журнала для пидарастов мне подсунули единомышленнички пострадавшего Тихонова. Уверен в этом. Больше некому. Ранее подобным товаром я никогда не спекулировал на черном рынке города Риги, борьба с которым ведется недостаточно эффективно, что и говорить.

Вы думаете, я не сознаю, почему я выбран после возвра-

щения на Родину козлом отпущения? Прекрасно понимаю. На это есть две версии, как говорит Юлиан Семенов.

Первая: моя вина в том, что разгоряченный оперативной работой с Тихоновым, я потерял на нервной почве бдительность, и, естественно, двое сов. граждан, воспользовавшись этим самым, смылись в полицию и попросили политического убежища. Виноват. Моя ошибка. Забыл я как-то о них из-за Тихонова. А ведь были они у меня на примете, были. Чувал я, что финтят Минкявичус с Белобоковым: уж больно красноречиво насмежаются над так называемым свободным миром, глаза отводят от себя. Как в точку смотрел. Виноват. Одного предупредил – двоих проморгал. Арифметика, как говорится, не в мою пользу. Виноват. Больше этого не повторится.

Вторая версия, почему я сижу там, где раньше сидела тьма моих подследственных? Потому что затесались после 1953 года, ужасного для нашей страны, во все наши органы, а может, и куда повыше – не буду обходить здесь этого наиболее болезненного вопроса – те, кто только и ждет, чтобы поставить подножку настоящему советскому человеку, человеку будущего. И в случае моего осуждения я непременно накатаю жалобу великому Шолохову. Он что сказал насчет Абрама Терца и Юлиана Семенова, верней, Даниэля? Он сказал, что надо было не чикаться с этими предателями, а руководствоваться прямо революционным правосознанием и к чертовой бабушке, извините за выражение, расстрелять!

Я вот просил у защитника моего достать мне для послед-

него слова это высказывание из старых газет. Думаете, достал? Сам, небось, из тех, кто ждет момента... Но, ладно уж... не будем об этом... и так все ясно.

Я лично жалею об одном: погорячился, перебрал, недоглядел, а виноват единственно в том, что после обнаружения в моей каюте трупа пострадавшего Тихонова, в небольшой заварушке, посвященной моему незаконному аресту, затерял я телефоны тихоновских сообщничков, проживающих пока что еще на свободе, на подлинной свободе, а не марсельской, в нашем городе-герое Риге.

Поэтому прошу суд переквалифицировать мою статью о тяжелых телесных повреждениях на халатность при исполнении служебных обязанностей, за что готов понести искреннее наказание, и учесть все мои заслуги с боевыми наградами, а также принципиальную несгибаемость после трагедии 1953 года.

Не мне должно быть место за решеткой, а таким, как пострадавший Тихонов.

Обязуюсь впредь при выездах за рубеж не покупать технической порнографии в виде обоеполых вибраторов и сувениров, имеющих форму с небольшим намеком на моральное разложение личности.

Надеюсь на ваше, граждане судьи, революционное правосознание, потому что надеяться, как мне кажется, больше уже не на что. До ручки дошли. И что я, как зам. нач. отдела кадров Института Маркса – Ленина, – незаменим на своем

посту.

Взятки... Взятки... Взятки...

Решетов, работая директором магазина «Ленмебель-торг», получал взятки за продажу гражданам импортных мебельных гарнитуров вне очереди.

Последнее слово подсудимого Решетова

Граждане судьи, во время всех буквально судебных заседаний, во время нелогичных выступлений и реплик прокурора, во время истеричной и визгливой речи общественной обвинительницы Кузькиной я сидел, слушал всю эту белиберду и думал, почему же вместо того, чтобы ругать Решетова за моральное уродство, никто не скажет вслух от чистого сердца: а мог ли он не брать взятки?

Вот что должно быть предметом нашего судебного разбирательства. Вот что нам надобно бы исследовать социологически и психологически. Вместо того по сто раз на каждом заседании мы слышим демагогическую болтовню насчет пережитков капитализма в сознании людей, в частности, в моем преступном якобы сознании... Это, простите, несерьезно.

Вы судите не первого взяточника из нашей замечательной и прогнившей до основания торговой сети. Более того, вы судите меня фактически не за то, что я брал взятки (хотя я

их действительно брал одно время), а за то, что я отказался их брать. И вам прекрасно это известно.

Если бы у нас была сейчас возможность допросить начальника городского отдела ОБХСС и следователей, которые вели мое дело, то вы услышали бы от них (если бы они, конечно, осмелились сказать правду), почему и по чьей указке я вообще оказался под следствием.

Вы же не можете не знать, граждане судьи, как каждый директор любой торговой точки повязан по вертикали, так сказать, с вышестоящим начальством. С начальством по гор-торгу, по райкому партии, по райисполкому, райотделу милиции и так далее вплоть до пьянчуги и вымогателя участкового.

И вы знаете, что любой директор считается заведомым вором, мошенником и взяточником. Просто цинично подразумевается, что ты не можешь не махинировать в торговой сети развитого социализма.

Я пришел в магазин сразу после института народного хозяйства, молодым еще человеком. Было это во времена Никиты Сергеевича. Не у одного у меня душа горела жить как-то по-иному, не так, как при Сталине. Литературу мы читали, где смело ставились острые нравственные проблемы. Мы задумывались о том, что не хлебом единым жив человек, и это явно было связано с крахом и саморазоблачением лживой идеологии.

Новое поколение людей пришло в торговую сеть так же,

как и в органы милиции. Нам (многим из нас) приятно было как-то способствовать новой, более зажиточной жизни народа...

Колхозники стали получать наконец деньги за свой труд и потянулись в город за товарами. Ведь деревня почти тридцать лет жила в черном теле, особенно русская деревня.

Стоило подохнуть этому зверю Сталину, как люди вдруг остро ощутили, что нету у них стульев, столов, книжных полок, матрацев, черт побери, а о гарнитурах многие еще не задумывались.

Я лично горел на работе так, что носился по министрам с проектами лучшей организации производства мебели, покупки лицензий на Западе и так далее. ОБХСС вообще не заглядывал ко мне одно время.

Я чувствовал, что мне доверяют, и оправдывал доверие. Мне нечего было скрывать сначала от своей жены, а потом и от двух взрослых детей.

Мой магазин считался образцовым, и сам я стал членом бюро райкома партии и горисполкома. Магазин славился хорошим ассортиментом мебели. К нам приезжали из других республик, но всех удовлетворить было невозможно. Мы организовали предварительную запись сначала на мелкие предметы, затем на гарнитуры. И строго следили за оформлением заказов. Прохиндеев я гнал в шею.

Но вот несколько раз подряд имел я разговоры то с од-

ним деятелем, то с другим и в райкоме и повыше, не говоря об ОБХСС. И каждый деятель хитро намекал мне, что пора и поделиться доходами. Когда я уверял, что живу на зарплату, а взяточников и посредников близко к себе не подпускаю, деятели хлопали меня по плечу и говорили:

– Твердый ты мужик, Решетов. Так и держись. Трепачей нам не надо.

Конечно же, я понимал, что ждут они от меня доли нахапанного у покупателей и государства.

Потом, после моих отговорок, последовал прямой намек, что я – собака на сене. Или, мол, давай делись, или место мы тебе подыщем похолоднее.

Начальник районного отдела каждый день являлся и сидел в кабинете, ожидая пакета. Потеряв терпение, он прямо заявил, что с него тоже не слезают и ждут, ждут, ждут. И от души возмущаются, что все директора – люди как люди, только Решетов хитромудрый жлоб, чистюлей притворяется, все под себя гребет. В общем, хана тебе, Решетов, если не будешь перепуливать начальству. Тут все крепко друг с другом повязаны, и куска от пирога жаждут.

Поделился я тогда терзаниями своими с женой. Она прямо заявила, что если буду воровать, то есть махинировать и брать взятки за внеочередной отпуск гарнитуров, то она уйдет от меня вместе с детьми.

Напился я с одним своим другом, который идеалистом был одно время. Он и помог мне совратиться. Я его не виню:

сам мог устоять и найти другую работу. Мог. Но не устоял, когда он раскрыл мне глаза насчет морального облика тех, кто нами руководит на всех уровнях жизни.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.